

НЕЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ

АНАСТАСИЯ

МАЛЬЦЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Мальцева

НЕлюбовные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69402478

SelfPub; 2023

Аннотация

Каково приходится одиноким и разбитым сердцам на День Семьи, Любви и Верности? Ромашки, улыбки, объятия... для них это лишь напоминание о боли. Издёвка. Укор. А вот ты всё ещё не замужем! А ты чего до сих пор не женился? А когда ДЕТКИ БУДУТ???! Хватит! На этот раз мой праздничный сборник для тех, кто не празднует. Для тех, кому пришлось слишком дорого заплатить за попытку любить.

Содержание

Её сердце	4
Встреча	17
Дом	21
Недопитый кофе	44
Множественные жизни одинокой женщины	46
Ночное randevu	56
Паршивый день	59
Всего несколько дней	82

Анастасия Мальцева

НЕлюбовные истории

Её сердце

Вы готовы заплатить болью за свою радость? За минуту счастья бесконечными страданиями?

Все было хорошо. Так мне казалось. Она никогда не жаловалась и выглядела счастливой. Я любил ее и думал, что это взаимно. Она оказалась столь искусна в своем притворстве, что подвох заметил бы лишь конченный параноик. Разве человек станет улыбаться, если на душе у него тоска и отчаяние? Будет ложиться в одну постель с тем, кто ему противен? Для такого поведения есть однозначный термин, а свою девушку блядью я никогда не считал.

Но ведь все могут ошибаться?

Если бы вы только видели ее стройное тело, округлые бедра и маленькие сисечки. Она комплексовала по поводу своей груди, а я ее боготворил. В ней был шарм и очарование юности. Да, в груди. В ее маленьких аккуратных грудках, за которыми скрывалось нелюбящее сердце. Я видел его. И оно ничем не отличалось от сердец других, таких же лживых блядей.

В ту ночь я дежурил в ожидании очередного инфарктни-

ка или доходяги с перитонитом. Эти вечно откладывающие свое здоровье на потом идиоты никогда не могут вовремя обратиться к врачу или вызвать «скорую» до того, как им понадобится катафалк. А что потом? Потом ругают нас на чем свет стоит за врачебные ошибки и халатность. В таких случаях я люблю говорить, что главную ошибку допустил врач, который принял роды у матери нашего «потерпевшего». В общем, я курил в форточку, пока сестра Верка делала мне минет, чтобы скоротать время. Нет, конечно, она не была моей родной сестрой. Просто медсестра Верка, решившая, что отсосать хирургу будет полезным для ее никчемной карьеры. Так вот курил я, как вдруг пришла смс-ка. Отвлекаться на сообщение не хотелось, но следом раздалось новое оповещение, и я полез в карман халата за телефоном.

«Игорь, прости. Мы расстаемся».

«Я давно должна была тебе рассказать, у меня есть другой».

Я мгновенно набрал ее номер и сквозь монотонные гудки стал прорываться к ответу. Спасибо, что хоть мелодию не поставила. А то звонишь ты такой злой и готовый кого-нибудь убить, а тебе в ухо «Ласково за плечи обними, родной». Так ты и захочешь обнять, конечно! Только вот не за плечи, а за шею, например. Очень, очень крепко. Нет, уж лучше гудки.

Тут я вспомнил про Верку, которая чавкала совершенно некстати. Оттолкнул ее и спрятал опавшее барахло, все еще дожидаясь ответа. Она только что мне писала, да? Возьми же

трубку! Телефон не лежит в другой комнате. Или она действительно думала, что я тоже просто отвечу по смс-сочке: «Ну ладно, как скажешь»?

Ну и как вам это? Живете вы себе и в ус не дуете, считаете, что у вас все хорошо, и вдруг бац – до свидания, дорогой. Шесть лет коту под хвост? Неужели за все эти годы я не заслужил того, чтобы меня хотя бы бросили по-человечески, а не послали в смс-ке? А кроме того, оказывается, она мне давно изменяла. Когда я приходил уставший после дежурства и спасения жизней, она встречала меня поцелуем губ, в которых недавно барахтался член какого-то «другого». А как же Верка, скажете вы? А что Верка? Я ее член в рот не совал. И с этим вы не сможете поспорить. Попахивает шовинизмом? Это гораздо лучше, чем запах лживого блядства.

После третьей попытки дозвониться я наткнулся на безразличное «аппарат абонента выключен или находится...» – в заднице! Почему бы операторам не ввести в оборот такое оповещение: «абонент не хочет иметь с вами ничего общего, хватит ему названивать»? Неплохо так, да? Я был в бешенстве. Даже не успел расстроиться, просто злился так сильно, что готов был разбить ни в чем неповинный телефон об стену. Но вовремя опомнился и одернул себя, когда уже замахнулся не хуже питчера Доджерс. Новенький ай фон на зарплату врача купить не так-то просто, скажу я вам. Что бы вы ни думали, обдираловкой с пациентов не занимаюсь. Что заработал, то и получаю. Чужого не надо. Но и со своим так

просто не расстанусь.

О какой работе теперь могла идти речь? Я места себе не находил. Разве можно спокойно сидеть на дежурстве, когда в одно мгновение твоя жизнь перевернулась с ног на голову? Когда тебя предали. Предал самый близкий человек, которому ты доверял и открывал свою душу. Я делился с ней страхами, и она успокаивала меня. Рассказывал о детских травмах, после чего она гладила меня по голове, как ребенка. И все это было ложью? А она, успокаивая меня и глядя по головке, думала о том «другом» и мечтала, чтобы я заткнулся?! Меня накрыло гневной волной, и я уже не соображал, что творю.

Никого не предупредив, я покинул здание больницы. Мы снимали квартиру в доме неподалеку, чтобы не приходилось тратить время и лишние деньги на дорогу до работы. Сама она фрилансила и вела домашнее хозяйство, поэтому ей вообще было без разницы, где жить.

Я ворвался в пустую квартиру, готовый порвать свою неверную подругу на куски. Наспех выдвинутые ящики, закупоренные окна и мертвенная тишина. Конечно, она ушла. А чего я ожидал? Что после такого сообщения она будет сидеть и ждать меня у окошка?

Квартира выглядела как после вторжения грабителей. И она действительно меня обокрала. Нет, она не взяла ничего лишнего из вещей. Она лишила меня чего-то гораздо более важного.

Злость стала угасать, уступая место отчаянию и боли. Я был растерян и не понимал, как быть дальше. Снова набрал ее номер, но опять наткнулся на шаблонное сообщение оператора.

«Вот и все», – подумал я. Еще вчера мы занимались любовью в нашей теплой постельке, а сегодня я остался совершенно один в полном непонимании произошедшего. Вдруг я подумал о том, приводила ли она своего «другого» в нашу квартиру. Развлекались ли они в нашей постели? Гадил ли он в наш толчок, нагревая сидушку своим волосатым задом? Все это казалось таким важным и невыносимо отвратным, будто «другой» метил мою территорию. Будто мой собственный дом был против меня, укрывая тайны незваного гостя.

Я опустился на кровать и провел по ней дрожащей ладонью. «Вот и все», – повторил внутренний голос. Мне так не хотелось отпустить ее, несмотря на подлый обман и низость. Хотелось обнять ее, почувствовать, что она рядом, что я не один. Я опустился на ее подушку и вдохнул следы запаха ее мягких волос. Она всегда за ними усердно ухаживала, и мне нравились ее гладкие локоны, нежность их случайных прикосновений и блеск на солнце.

Я не фетишист, ничего такого. Просто у нее были очень красивые волосы. Одних их было бы достаточно, чтобы влюбиться. Но я любил в ней все: от груди и волос, до покладистого характера и вкусной готовки. А какие она делала минеты! Этому «другому» с ней очень повезло.

Так зачем же при таком сокровище я коротал время с Веркой? Да просто так, от нечего делать. А что, собственно, в этом криминального? Подарков я ей не дарил, в любви не признавался. Так, пару раз дал пососать и всего делов. То же самое, что и спустить от своей правой с утречка в душе.

А она мне изменяла. Говорила, что любит, а сама думала о «другом».

Я бы хотел сказать, что пустил скупую мужскую слезу, но из песни слов не выкинешь, я просто-напросто расплакался, как сопливая девчонка.

Я ревел и ревел, размазывая слезы и сопли по уже ненужной ей подушке.

И тут мой телефон ожил. Я мгновенно взял трубку и выкрикнул:

– Нина?!

– Да... но откуда?.. – ответил мужской голос.

Сначала я подумал, что это «другой», но все еще на что-то способная голова уловила несостыковку, и я глянул на экран мобильного. Звонил мой коллега, и это окончательно сбило меня с толку.

– Игорь?

– Да. Да, что случилось? – я попытался выровнять голос.

– Нина...

Я не мог понять, откуда он знает про Нину. Но долго гадать не пришлось.

– Её только что привезли. Нужна срочная операция. Где

ты?

– Сейчас буду.

Не зная, что случилось, я уже бежал обратно в больницу, потому что Нине нужна была помощь. Это все, что на тот момент имело значение. О другом я и думать не мог.

Ознакомившись с заключением, я метнулся в операционную с одной только мыслью: «Я должен ее спасти».

Она попала в аварию. Ей пробило грудную клетку, множественные переломы верхних и нижних конечностей – ее ласковых рук и стройных ножек – состояние критическое.

Нина умирала. Моя Нина, которая провожала меня на работу вне зависимости от того, как рано приходилось вставать. Она ставила будильник раньше, чтобы успеть приготовить мне завтрак. Делала массаж, когда я приходил уставший с работы. Терпела мои менторские замашки и молча проветривала кухню, когда мне лень было выйти на балкон покурить.

Я увидел ее распластанное тело на операционном столе. Не помню, как готовился к операции: мыл руки, надевал перчатки и оказался в маске. Помню только ее разомкнутые губы под запотевающей маской для анестезии. Губы, которыми она целовала меня. Губы, которыми она прикасалась к члену «другого»...

«Так тебе и надо», – вдруг вспыхнуло в воспаленном сознании. Я испугался собственных мыслей и сделал глубокий вдох. Так нельзя, она – моя пациентка, я обязан ее спасти.

«Ты это заслужила», – не успокаивался внутренний голос, зарождая во мне былую ярость. Не самое подходящее время для злости. Я же давал клятву Гиппократа. И ведь это же...
Нина.

Ее маленькие сисечки обрамляли рваную рану посреди грудной клетки – при ударе руль сломался и повредил ее. Она никогда уже не сможет быть прежней. И я никогда не смогу относиться к ней как раньше, ведь она предала меня.

– Распатор, – скомандовал я. И тут до меня начало доходить, что я уже в самом разгаре операции. Мое сознание разделилось надвое: один я выполнял свой долг, второй же наблюдал со стороны за действиями первого и думал о том, а правильно ли он поступает.

«Это твой шанс», – шептала злость.

Руки продолжали вынимать осколки руля и ребер.

«Никто и не заподозрит».

Первый не останавливался, а Второй начал прислушиваться к голосу.

«Она уже не твоя Нина. Бросила тебя по смс-ке, как безмозглого пацана. Тебе не надо ее убивать. Просто не дай ей выжить».

Ее сердце билось и кровоточило от ран, нанесенных осколками.

Мое сердце обливалось кровью от раны, нанесенной ею.

Она была беззащитна. Ничего не могла сделать или изменить. Как и я, когда совсем недавно читал ее сообщения.

А теперь я мог взять в руки ее нелюбящее сердце. И сжать, как резиновую игрушку для щенка.

Второй разглядывал большой осколок и уже знал, что собирается сделать, пока Первый все еще спасал жизнь Нины. Судьба ее была в моих руках. Одно верное «неверное» движение – и ее больше нет.

Я мешкал. Ведь никогда раньше мне не приходилось осознанно давать человеку не выжить. Да, пациенты умирали на моем столе, но никогда это не было нарочно. Со своей стороны я делал все, что мог.

Осколок пробил межжелудочковую перегородку. Первый извлек его и собирался ставить заплатку, но Второй решил, что пришло его время. Больничка наша не оснащена кучей современных наворотов, главное – это врачи. Мы следуем не камерам, а своим глазам. Мои глаза видели размер осколка, мой мозг понимал, что он со стопроцентной вероятностью повредил перегородку, моя злость заставила меня защитить поверхностное повреждение сердца и оставить Нину умирать.

Кардиомонитор зафиксировал систолический шум, но никто из присутствующих не отметил, что он за пределами нормы.

– Отсос, – скомандовал я, вычисляя, сколько моей пациентке осталось жить.

Верка тут же сунула отсос. По ним она была спец.

Под конец я зафиксировал сломанные и резекциониро-

ванные ребра лигатурами, зашил рану и понял, что натворил.

Я отобрал у Нины шанс на выживание. Своими собственными руками лишил ее возможности остаться в живых.

– Надеюсь, все обойдется, – сказал мой ассистент. Тот, который недавно звонил мне и сообщил о том, что с Ниной случилось несчастье.

Я было открыл рот, но коллега еще не закончил.

– Ваш друг умер, – он положил мне руку на плечо и легонько сжал в знак поддержки.

– Что?..

– С ней был пассажир.

– Пассажир? – процедил я сквозь зубы и резко передумал исправлять свою «ошибку».

– Ты не знал? – рука сползла с моего плеча.

– Знал, – я рывком стянул перчатки и покинул операционную.

Нина умерла, так и не придя в сознание.

Вскрытие обнаружило разрыв межжелудочковой перегородки, но моей вины в смерти пациентки усмотрено не было.

Я и сам старался убедить себя в том, что ни в чем не виноват. Она сама влетела в лобовое. Сама вынудила оставить ее умирать. Сама.

Я тут был ни при чем. Просто не стал помогать. Но не убивал же...

Почему же тогда всякий раз, закрывая глаза, я видел ее

раскuroченную грудную клетку с окровавленным сердцем, отбивающим сбивчивый ритм? Оно было таким же, как миллионы других. Я бы не отличил его среди кучи сердец, извлеченных при вскрытии. Но видел я именно его. Как оно билось, как я зашивал рану, зная, что прячу в ней затаившуюся смерть.

Я не спал двое суток. Не мог вынести этого напряжения.

Но ведь это все она. Только она виновата во всем произошедшем. Почему же я должен страдать из-за ее лжи и блядства?!

Неужели я должен был вернуть ее к жизни и смотреть, как она машет мне ручкой и оплакивает своего скопытившегося «другого»?

Им оказался какой-то Петр. Я облазил все соцсети, в которых смог его найти. Какой-то высокомерный хлыщ. Чертов пижон. Не знаю, где они могли познакомиться. И машина тоже была его. Спасибо, что нашу старушку не разбила.

Она все-таки избежала серьезного разговора. Отделалась смс-кой.

При следующем дежурстве мне достался типичный перетониточник. Дело плевое. Но стоило сделать надрез, как вместо аппендикса я увидел сердце. Ее сердце.

Я не мог оперировать.

Коллеги поняли. Они вообще поражались тому, что после произошедшего я так быстро вернулся в строй. А я просто должен был реабилитироваться после содеянного. Спа-

сти парочку жизней, чтобы искупить свою вынужденную вину.

Я пытался – и до сих пор пытаюсь – убедить себя в том, что вынужден был так поступить. Но все мы знаем, что это неправда. Мог ли я совладать с чувствами и провести операцию, как положено? Скорее да, чем нет.

Раскаиваюсь ли я в содеянном?

Скорее нет, чем да.

Или да...

Не знаю.

Не знаю, что ответить. Ведь Нина была не просто моей сожительницей, я любил ее. Любил всем сердцем. Но она предала меня. И я так никогда и не узнаю, как долго она мне изменяла. Почему именно в ту ночь решила со мной расстаться. Никто не ответит мне на эти вопросы. А они мучат меня, не дают забыть. Всякий раз натываясь на воспоминания о нас, я ловлю себя на мысли: «она тогда уже трахалась с этим Петром или все еще была моей Ниной?» И все это убеждает меня в том, что я поступил правильно. Но и заставляет сожалеть о потерянной возможности взглянуть в ее лживые глаза и узнать всю правду.

С тем больным, которого я не смог оперировать, все обошлось, можете не беспокоиться. Мне вызвали замену. История не о нем. История о том, что прошло уже два года, а я до сих пор не вернулся к врачебной практике и теперь уже вряд ли когда-нибудь возобновлю свою блистательную

карьеру. История о том, что до сих пор, закрывая глаза, я вижу ее израненное сердце, отстукивающее последние мгновения ее жизни.

И эта история о том, что порой за счастье приходится платить слишком высокую цену. Вы берете его авансом, а потом жизнь заставляет вас отработать все до последнего мгновения радости. Нина обанкротилась, отдавая долг за отношения со своим «другим» Петечкой. Я же до сих пор в долговой яме и никак не могу расплатиться за шесть лет, проведенных с этой блядью.

Встреча

Холодно. Ледяной ветер завывал, будто нарочно катаясь в бороздках моих ушных раковин. Я усерднее кутался в свой дурацкий тулуп школьных времён. Наверное, было глупо его надевать, но мне так хотелось, чтобы она меня узнала.

С Юлей мы учились с первого класса и даже в садик ходили в одну группу. Получается, большую часть своей жизни я провёл рядом с ней. Она была первой девочкой, которой я признался в любви. Тогда ещё маленький сопляк в колготках задом наперёд. Шли годы, мы оба росли, а детская влюблённость никак не хотела оставаться в прошлом. Но, казалось, Юля этого не замечала. Или только делала вид. В общем, с окончанием школы я был вынужден исчезнуть из её поля зрения вместе со своими не востребованными чувствами. Я поступил в институт в другом городе и больше Юлю не видел.

Теперь двадцатисемилетний детина сидел в промозглом октябрьском парке, напехтерив на себя дублёнку десятилетней давности, и ждал девчонку, которая так и не взглянула на него в те далёкие годы. Холодно.

Приехав к родителям в гости, от общих знакомых я узнал, что она вышла замуж и переехала в соседний район. Я успокаивал себя, как только мог. Ну и ладно. Какая разница? Я всё равно её уже сто лет не видел. Но невыносимая необхо-

димось увидеть её хотя бы ещё раз заставила одеться в этот древний артефакт, чудом уцелевший на родительских антресолях, и пойти в парк рядом с её домом.

Вот уже битый час я сидел и стучал зубами. Какой-то бездомный кот даже планировал меня пометить, сочтя за новый элемент местного пейзажа, но я вовремя погладил его, на что тот издал странный звук и исчез под лавкой.

Часто бывает, что, потеряв надежду, мы тут же получаем то, чего так страстно желали. Так получилось и в этот раз – только я подумал, что пора бы уже уходить, как на дорожке появилась Юля. Меня сразу бросило в жар, и я забыл о том, что мгновение назад помирал от холода. Даже мои оледенелые зубы забыли, что нужно стучать.

Она шла в мою сторону, медленно, с лёгкой улыбкой на лице. Я ёрзал на месте, не имея сил ждать, пока она сама меня увидит, пока узнает. А вдруг не узнает? Я вскочил и сам пошёл ей навстречу.

– Привет!

– Прив... Витька? Ты, что ли?! – сначала растерянно, потом радостно спросила она.

– Я.

Меня так согрела её улыбка, что теперь на мне уже можно было жарить яичницу. Это была Юля, всё та же Юля, будто бы совсем не изменившаяся за эти долгие годы. Ей не хватало только пакета с учебниками, которые старшеклассники таскали в школу, считая, что портфели и ранцы только для

мелких. Я машинально опустил глаза, чтобы перепроверить – а вдруг, и мой взгляд застыл на её животе, который не сильно, но вполне очевидно выделялся из общей стройной массы.

– Вить, – Юля повысила голос, явно пытаясь что-то мне сказать.

– А?

– Как дела, говорю?

– А... ну... я... нормально...

– М... хорошо...

Она ждала встречного вопроса, но я был не готов к столь ответственному шагу. Мне бы вдох ещё один сделать. И выдох.

– Что тут делаешь?

– Тебя жду... – честно ответил я, забыв о конспирации.

– Да неужели? – засмеялась она, восприняв мои слова как шутку.

– Да так, по делам, – я пожал плечами, потихонечку приходя в себя. Даже выдавил: – Поздравляю, – и многозначительно кивнул в сторону её выдающегося элемента.

Она тут же обняла его ладошками в тёплых перчатках и расплылась в блаженной улыбке.

– Спасибо.

Зачем-то спросил:

– Мальчик-девочка?

– Пока не знаю.

– М...

– Ну, рада была тебя повидать. Я побегу, меня подружка ждёт.

– Давай...

– Пока.

– Пока...

И она ушла. Просто пошла дальше, будто ничего особенного и не произошло. Наверно, для неё так оно и было.

– Спасибо, что ждал! – вдруг донеслось до моих ушей.

Я резко обернулся и увидел её задорную улыбку, точь-в-точь как у той девчонки, мысли о которой забивали мою голову, вытесняя физику, химию и литературу. Мгновение спустя она уже отвернулась и продолжила свой путь.

– Пожалуйста... – выдохнул я и остался стоять посреди дорожки в полной растерянности.

Холодно.

Дом

В пустой комнате не было света. Старая мебель покрылась слоем пыли, омертвевших частичек прежних хозяев. В этих крупинках таились истории их любви и отчуждения. Истории радости и слёз. Жизни и смерти.

– Роза! Роза, ты только взгляни на это!

Борис распахнул шторы и впустил в комнату проворные лучи апрельского солнца. Они врезались в зеркальную поверхность инсталляции на противоположной стене и заиграли мириадами солнечных зайчиков.

Роза взвизгнула от удовольствия и запрыгала, как маленькая девочка, получившая леденчик.

– Я так тебя люблю!

Она напрыгнула на молодого супруга и стиснула его на удивление сильно для столь хрупких рук. Словно тонкие жерди – того и гляди переломятся. Вся её фигура так и кричала о том, чтобы её покормили, но Розе нужна была не еда – она жаждала любви и никак не могла ей насытиться.

– Ну тише, тише, – смеялся Борис, утопая в поцелуях. – Ты меня задушишь.

За объятиями последовала первая близость в новом доме. Доме, в котором они планировали родить детей и нянчить внуков.

Доме, который подарили родители жениха, надеясь, что их сын будет счастлив.

Он с отличием закончил университет и работал в фирме отца, должной в конце концов стать его собственной. Семейный бизнес, стабильный и доходный.

Роза воспитывалась в обычной семье – никаких фирм и изысков. Простая девушка из пригорода. Многие даже сначала поговаривали, что ей далеко не сам Борис интересен, а его приданное. Но когда она отказалась от каких-либо прав на дом и прочее имущество, ни у кого не осталось сомнений – она любит Бориса. И всё же он сделал её совладелицей. Оставить жену на бобах? Нет – так семья не строится. Только полное доверие.

Она никак не могла на него налюбоваться. На его голубые глаза, ровный нос, губы, застывшие в полуулыбке. Роза смотрела на Бориса, будто пыталась впитать каждую черту его неумолимо прекрасного лица, сделать частью себя, присвоить и остаться с ним навеки. Пока смерть не разлучит их.

Его руки бегали по её обнажённому телу, гладили спину, ощупывали грудь. Её руки – по его щекам, векам, волосам.

Они дарили себя друг другу страстно и с полной самоотдачей. До изнеможения. Вспревшие, уставшие, удовлетворённые они легли в измятую постель и уснули.

Храп сотрясал выкрашенные жёлтым стены. Борис то

булькал, то посвистывал. Роза сидела рядом, наблюдала за мини оркестром и улыбалась. Какофония вдруг умолкла, и губы замерли, неподвижно. Грудь мерно поднималась и опускалась, лицо было спокойным, чистым и умиротворённым. Как у ангела.

Роза не могла оторвать от него глаз. В полумраке телевизор играл разными цветами и окрашивал в них любимое лицо. И хотелось нажать на паузу, остановить этот момент, чтобы он не затерялся за ворохом рутинной суеты и однообразными буднями.

Она выключила телевизор и легла рядом. Сквозь сон Борис обнял её, и вскоре Роза провалилась в сладкие сновидения, закутавшись в объятия мужа. В его крепкие надёжные руки.

– Это настоящий дуб, посмотрите, пожалуйста.

Риелтор, коренастая женщина в деловом костюме, процокала на кухню и обвела рукой деревянный гарнитур.

– Мощная вытяжка, электрическая плита, посудомоечная машина – всё необходимое есть.

– Мне нравится, – тихо прошептала полная, но крайне незаметная девушка.

– Подожди, – осадил её спутник.

– Здесь, как видите, стиральная машина и вот тут, – женщина поднатужилась и открыла дверцу-гармошку в стене, – гладильная доска. Осматривайтесь, задавайте вопросы, как

будете готовы, пройдем на задний двор. Там прекрасный бассейн и зона для барбекю.

Молодой человек скептически оглядывал роскошное убранство дома.

– В чём подвох?

– Подвох? – переспросила риелтор.

– Да, всё так классно, всё работает, отличный район, а цена как за халупу. Должен быть подвох.

– А... вы об этом. Ну... я бы не назвала это подвохом, просто... как вам сказать...

– Как есть, например.

– Да... в общем, дома, в которых кого-то убили, не очень хорошо продаются.

– Роза, я пришёл!

Она молнией сбежала по лестнице и с разгону налетела на Бориса. Вцепилась в него руками и ногами и принялась целовать так, будто сто лет не видела.

С новоселья прошло уже два месяца, а Роза всё никак не могла утомиться и каждый день для неё был необычным и приятным. Если не считать рабочие часы мужа. Она места себе без него не находила. Мыла, гладила, стирала, готовила. Дом был вылизан до чиста, еда приготовлена, как на целую роту, рубашки выглажены и развешены от светлых к тёмным. Идеальная чистота и порядок. От скуки и желания угодить мужу.

С порога она помогала ему раздеться. К его приходу стол был всенепременно накрыт. После ужина следовали приятные ласки. Что ещё мужчине надо?

– Розочка, я завтра задержусь. У бухгалтера день рождения, нужно поздравить.

Под гладившими нежную кожу супруги пальцами Борис почувствовал, как её тело напряглось.

– Надолго?

– Как получится.

Ладони стянулись в кулаки.

– Думаю, не очень.

Она молчала.

– Я постараюсь пораньше. Хорошо?

Тишина.

– Роз, ну ты чего?

Борис попытался заглянуть ей в глаза, но она отводила взгляд.

– Эй, я не буду долго задерживаться.

– Тебе там будет весело без меня? – тихо прошептала Роза.

– Весело?... Да ну какой там! Я же начальник, просто поздравлю и уйду, а они там сами пусть веселятся.

– Точно?

– Точно-точно.

Роза впиалась в его губы, будто кричала: «Никогда не бро-

сай меня!» – и они занимались любовью до изнеможения, пока не уснули без сил и возможности двигаться.

– И кого же тут убили?

– Тут жила семейная пара...

Девушка стиснула руку спутника.

Роза сидела напротив окна и судорожно выжидала очередной свет фар, приближавшийся к дому. Всякий раз машины проезжали мимо, и она отлипала от стекла и снова принималась ждать, оглушённая стуком собственного сердца.

Телефон мужа не отвечал, сколько бы она ни звонила. Очередной день рождения сотрудника. Только почему Борис должен был отмечать его вместе со всеми, она никак не могла взять в толк. Это же чужие люди – кучка сотрудников, выполняющих функции за деньги. Всё. А она, она родная. Любимая. Жена. Его Розочка.

Несовпадение очевидности и реальности разламывало сознание на куски, и Роза металась в лабиринте собственных предположений, страхов и боли.

Вдруг Борис её больше не любит? Может, он вовсе не на дне рождения, а у любовницы? Может, он попал в аварию и лежит на трассе переломанный и истекающий кровью? Должна ли она что-то сделать? Бежать спасать, звонить в полицию, скорую, морг? Должна ли примчаться к офису, чтобы застукать его с секретаршей, промышляющей промиску-

итетом?

От безысходности она снова набрала номер мужа и с такой силой вдавила трубку в щёку, что на ней остался красный след.

Так и не получив ответа, Роза написала очередное сообщение. Дрожащими руками набрала: «С тобой всё в порядке?» – и ещё долго перечитывала, прежде чем отправить. Потом пробежалась по нему ещё несколько раз, пытаясь понять, что почувствует Борис, когда прочтает. Он поймёт, как она за него переживает. Как любит его. И тут вспышкой ужаса окатила уже не раз обдуманная мысль: а вдруг он сейчас с другой! Зубы стиснулись, в груди раскалились ненависть и горечь обиды. Значит, он там развлекается с какой-то дешёвкой, а она переживает, шлёт ему сообщения с выражением собственного беспокойства. А он! Подонок! Предатель!

Роза принялась писать новое сообщение. Куда менее заботливое. Но на полпути остановилась, отвлечённая проблеском фар. Неизвестное авто проехало мимо, облизав светом резные ворота.

Задышавшись от волнения, Роза прилипла к окну и ещё некоторое время смотрела вслед исчезнувшей машине. Потом вспомнила про недописанное сообщение, перечитала и стёрла. Снова набрала номер мужа.

Часы медленно отсчитывали секунды, убивая остатки терпения. Отчаяние высасывало надежду на возвращение Бори-

са, и Роза мысленно готовилась к вечному одиночеству.

Телефон завибрировал, когда она нырнула в глубины мыслей о насмешках подруг за спиной.

– Розочка, прости, забыл телефон на работе, пришлось вернуться.

– Ты где?

– Уже домой еду. Скоро буду. Не волнуйся.

– Хорошо...

Мозг судорожно принялся выстраивать кусочки пазла в цельную картину. Борис забыл телефон и поехал домой, потому и не отвечал целых полчаса, а вовсе не потому, что развлекался с какой-то девкой. Какое счастье! Неопишное счастье и радость. Улыбка растеклась по всему телу, и Роза обняла себя худосочными руками, благодаря весь мир за такого прекрасного мужа и возможность его любить.

Ночью, когда он спал после утомительно прекрасного секса, Роза, по своему обыкновению, прислушивалась к его дыханию. Она приподнялась на локте и в потёмках вглядывалась в родные черты, высвеченные полной луной.

Внезапная мысль расколола умиротворённое счастье: «А вдруг он соврал!»

Что, если он вовсе не забывал телефон? Что если и правда миловался с секретаршей, а потом накормил доверчивую Розу банальной легендой?

Очевидная идея стала точкой отсчёта для новой легенды,

шаг за шагом расписавшейся в мятежном сознании беспокойной жены.

На утро она была измотана мыслями о предательстве. Борис застал её на кухне. Завтрака не было.

– Доброе утро, Розочка.

Она молчала.

– Что-то случилось?

– Это ты мне скажи.

– Не понял.

– Где ты вчера был? Только честно.

– Я же уже говорил.

– Я попросила – честно.

– Роза. Что происходит?

Молчание.

– Роза?

Она резко вскочила и выпалила:

– Ты мне изменяешь, да?!

Борис замер от неожиданности.

– Изменяешь?!

– Роза, что за глупости?

– Не уходи от ответа!

– Нет, я тебе не изменяю.

Роза всматривалась в глаза супруга, пытаясь прочесть в них ложь. Но кроме удивления и беспокойства в них не было ничего.

Она осела на стул и заплакала.

Борис осторожно приблизился и обнял её за плечи. Они сотрясались под его ладонями, он притянул жену к себе. Стал гладить по голове, по растрёпанным волосам.

– Ты правда мне не изменяешь? – донеслось сквозь всхлипы.

– Нет, конечно. Что за глупости? С чего ты взяла?

– Я... я... не знаю...

Она упала в его объятия, обмякла и полностью растворилась в руках ничего не понимавшего мужа.

– Пойдём, пожалуйста, – шёпотом взмолилась девушка.

– Подожди, я хочу послушать.

Сквозь открытое окно просочилось шуршание шин.

Риелтор выглянула на улицу.

– Что-то они рановато... вы пока осматривайтесь, пожалуйста, я вернусь через минутку, хорошо?

Часы одиночества разбухали и превращались в вечность. Как гроздья винограда, зрели, разрастались, нависали тяжестью над безмолвием дома.

– Да, конечно, любимый, – весело пропела Роза и засунула в духовку перевязанный розмарином окорок.

Она суетилась на кухне, улыбаясь улыбкой Бориса, чувствуя его мимику на своём лице. Её жесты, телодвижения сливались с его образом, и было непонятно, кто кого поглощает: она его, или он её.

Кроме Розы на кухне никого не было, но диалог вёлся оживлённый, и она продолжала отвечать и задавать вопросы супругу, должному вернуться только к ужину.

Часовая стрелка приближалась к семи, Роза в напряжении ждала прихода Бориса. Она сидела на стуле перед часами у накрытого стола и судорожно перебирала пальцы.

Минутная стрелка плавно ползла по циферблату, подбираясь к верхней точке. Мгновения закольцованными звеньями увязывались в прочную цепочку, которую невозможно было порвать. А Роза бы хотела схватить её, вырвать кусочки близости с мужем, скрепить их концы и повесить на шею. Чтобы никто не мог отобрать это время, чтобы оно длилось бесконечно долго и раз за разом повторялось по кругу.

Секундная стрелка вибрировала после каждого шага и камертоном отдавалась в напряжённом мозге. «Ну где же он, где?..»

Бывало, он приходил пораньше, а тут уже без двух семь, а его всё нет. «А вдруг он не придёт? А вдруг...»

Мышцы стянулись в судорожном ожидании, застывшие, окаменевшие. Но стоило шинам захрустеть камушками на подъездной дорожке, пружиной выстрелили, и Роза метнулась навстречу Борису.

Однажды он не пришёл. Роза ждала. Безропотно, молча. Наблюдала за циферблатом, неумолимо твердившем, что

муж должен быть дома. В это время ему полагалось закончить ужин и поблагодарить за него любимую жену.

Любимую ли?

А что, если нет?

Что если он её разлюбил? Ведь такое бывает.

Телефон был недоступен. На том конце бесконечно крутилось бездушное сообщение. А Роза ждала.

Она проверила все социальные сети – он в них не появлялся с обеда.

Ужин остыл.

Наверное, что-то случилось. Не иначе. Какое ещё могло быть этому объяснение?

Она уже звонила и в офис. Там сказали, что он ушёл вовремя.

Роза застыла в оцепенении. Казалось, стоит пошевелиться, и мир рухнет. Оправдаются самые страшные подозрения: что он её бросил, что попал в аварию, что она его больше никогда не увидит.

Номеров друзей мужа у Розы не было. Она с ними никогда не поддерживала связь. Всё его окружение вызывало в ней стойкое отторжение, будто они претендовали на полагающееся ей единолично: на время Бориса, на его внимание, его чувства.

Беспокойство мутировало в панику и пустило метастазы в каждую клеточку её существа. Сердце то замирало, то колотилось, норовя проломить грудную клетку.

Из горла вырвался сиплый рык, и тело скрутила болезненная судорога.

Беспомощность и отчаяние терзали острыми шипами безысходности. «Ну где же ты? Где?!»

Страх сковывал по рукам и ногам и останавливал от звонка в полицию. Что она скажет? Что там ответят? Что её муж умер?

Пока ящик не открыт, кот всё ещё может быть жив.

И Роза продолжала ждать, заламывая руки и стеная.

Она била себя, чтобы перебить душевную боль, хлеставшую, как кровь из открытой раны.

– Я сбил собаку. Мне нужно побыть одному.

С этими словами он зашёл в дом, вернувшись к полуночи, и лёг в комнате для гостей.

Роза всячески пыталась выудить из него подробности, но Борис не проронил ни слова. Тогда она схватила его за грудки и со всей силы ударила кулаком в глаз, вложив всю боль последних часов в этот жест отчаяния.

Муж вскочил и замахнулся на Розу. Кулак повис над её головой. Скрежеща зубами, Борис процедил:

– Оставь меня.

Роза принялась просить прощения, плакать, ластиться.

– Прости меня, пожалуйста. Я боялась, что ты умер, что с тобой что-то случилось. Прости, я не хотела. Просто было так невыносимо. Прости.

Она ласкала его тело, и вскоре он поддался и позволил ублажить себя.

Потом обнял жену, и они вместе уснули.

Только наутро он рассказал, что сбил собаку по пути домой. Повёз её в клинику, но бедняжка скончалась по дороге. Ему звонил то один, то другой, и он выключил телефон. Повёз труп в лес, где и закопал. Потом долго сидел над свежей могилой.

Затем вернулся домой.

– Ты... ты мог хотя бы написать смс...

Борис молчал. Роза теребила край пододеяльника. Наконец он произнёс, ровно и безэмоционально:

– Прости. Я не должен был заставлять тебя волноваться.

За окном сгушался сумрак. Завывал истеричный ветер. Ветви деревьев хлестали густую пустоту, лупили её, прогоняли. Роза плакала. От обиды, от облегчения. От непонимания.

Борис заперся в кабинете. Он никуда не пошёл, остался дома.

На полу прихожей валялись клочки приглашения на вечер выпускников, отравляли должное восстановиться спокойствие. Роза с отвращением и ненавистью поглядывала на них, всякий раз теряясь в волне злорадства и негодования.

Нарыдавшись, она собрала обрывки, с остервенением по-

рвала на еще более мелкие кусочки и спустила в унитаз. Умылась холодной водой, похлопала по лицу махровым полотенцем и осторожно подошла к кабинету. Постучала.

Ответа не последовало.

Острая мысль впиалась в разболевшуюся голову: «Вдруг он выбрался через окно и ушёл на этот дурацкий вечер?!»

Роза постучала настойчивее.

Снова молчание.

Она уже было собиралась выломать дверь, но та открылась. В проёме стоял Борис. Суровое выражение лица говорило, что его сердце не смягчилось.

– Я... – пролепетала Роза.

Борис сверлил её взглядом в ожидании продолжения, которого так и не последовало.

– Что ты? – не выдержал он.

– Я не хочу ссориться...

– Я тоже не хотел ссориться. Я просто хотел сходить на этот чёртов вечер!

– Без... меня...

– Роза, слушай, опять по сотому разу? Я тебя спросил. Спросил! Неделю назад. Ты отказалась.

– Но я же не думала...

Борис стиснул зубы.

– А вот стоило бы подумать.

Из глаз Розы снова покатались слёзы. Вопреки обычаю это не растрогало, не разжалобило. Муж только ещё больше

напрягся.

– Я и так стараюсь всё делать для тебя. С работы еду сразу домой. Дом – работа. Все вечера, все выходные – с тобой.

– И... и... тебе... не нравится?

– О-о-о! Да что ж такое? Роза. Чёрт возьми. Мне нравится. Но кроме дома и работы, кроме меня и тебя есть другие места и люди. И да, иногда мне хочется с ними общаться. Это нормально. Это не значит, что мне не нравится проводить время с тобой. Что ты мне надоела или не нужна. Это значит только то, что есть интересные люди. Я своих друзей уже сто лет не видел, в конце концов.

Роза опустила голову. С щёк срывались огромные капли и разбивались об пол.

– Да что с тобой такое?!

– Там будет та дура, которая тебе нравилась в старшей школе! – взвизгнула Роза и вытаращилась на Бориса.

Его глаза округлились.

– И что? Это было сто лет назад. Она теперь жирная и страшная.

– Откуда ты знаешь?!

– Видел её страничку.

Роза задохнулась от негодования.

– А зачем ты заходил на её страничку?! Всё ещё думаешь о ней?!

– Роза, ты в своём уме? Что ты несёшь? Мне просто было интересно, что со старыми знакомыми. И всё. Я заходил и к

рыжему дрищу Зосе. Я и его хочу, по-твоему?

– Ты мне скажи.

В глазах сверкнула ненависть, и Роза скрылась в спальне, громко хлопнув дверью.

Мирное существование рассеивалось. Борису всё меньше хотелось домой. Розе всё больше хотелось удержать его дома.

Вместо уютных вечеров – одинокий плач. Вместо ласк и близости – истерики и скандалы.

– Вы понимаете, что ваша жена больна?

– Больна? Так дайте ей таблетку.

– Ей нужно серьёзное лечение.

– Хорошо. Лечите, пожалуйста. Только дайте что-нибудь от этих истерик.

– Дать от истерик? Боюсь, вы не совсем понимаете суть проблемы.

– Просветите меня.

– У вашей жены эмоциональная дисрегуляция. Она не не хочет, она просто неспособна управлять своими эмоциями. Всем их диапазоном. Группа препаратов, способная снизить реактивность реакций, превратит её в сонную и безразличную абсолютно ко всему. Вы получите на выходе растение, овощ.

Борис смотрел на Розу. Она сосредоточенно вышивала

гладью. Он сидел в кресле и пил виски. От лечения она отказалась. «Ты считаешь меня чокнутой?!»

Сначала Борис и сам не поверил, что с ней что-то не так. Но семейный психотерапевт настаивал на точности своих предположений.

Борис много чего прочитал о поставленном диагнозе и серьёзно задумался о том, какой будет их семья. И будет ли. Сможет ли Роза справиться с воспитанием детей. Не сделает ли она их такими же.

Дом всё меньше походил на уютное гнёздышко. Подозрения и ссоры растаскивали его веточка за веточкой. Роза уделяла всё меньше внимания своему внешнему виду, уборке и готовке. Всё больше спала и плакала, пока Борис был на работе.

– Проходите, мы как раз собираемся на задний двор.

В дом вместе с риелтором зашла высокая женщина и чуть плешиватый мужчина.

– Так что там про убийство? – напомнил молодой человек.

– Какое убийство? – встрепенулся плешивый.

– В этом доме кого-то убили. Поэтому он так дёшево стоит, – не скрывая удовольствия от неприятной новости, ответил парень.

– Вы нам это не говорили, – возмутилась женщина.

– Да, но...

– Мы найдём другого риелтора. Всего доброго.

Пара нервно удалилась, и женщина-риелтор осталась стоять в полной растерянности.

– Ну так что с убийством-то?

Борис лёг рядом с Розой. Она положила голову ему на грудь. Он обнял её. Они лежали молча.

Роза наслаждалась ставшим столь редким единением. Пыталась угадать мысли мужа. То они казались радужными и прочили счастье, то скатывались в фантазии о других особях женского пола, и сердце Розы начинало учащённо биться, к горлу подкатывал ком.

Она крепко сжала тело мужа в объятиях, безмолвно крича, что никому его не отдаст.

Из открытого окна осторожно прокрадывался жар от нагретого за день асфальта и музыка из соседнего дома. Там отмечали рождение сына. Роза с Борисом не пошли к ним в гости. Вежливо отклонили приглашение, сославшись на важные дела. Которых не было.

Розе была невыносима мысль о том, что стоит им сблизиться с соседями, как те начнут вечно заглядывать к ним по любому поводу и без. Как будут просить об услугах и предлагать свои. Как с ними нужно будет общаться, разговаривать, тратить на них свои силы и время.

Как они разрушат их тесный мирок на двоих.

Роза нежно гладила живот Бориса. Опускалась всё ниже.

Наконец её рука оказалась на члене. Тут Роза подскочила, отодвинула трусы мужа и вопросительно уставилась на него.

– Зачем ты побрил лобок?

Он пожал плечами.

– Жарко же.

– Жарко?

– Ну.

Роза молчала.

– Ложись давай.

– Ты ничего от меня не скрываешь?

Он тяжело вздохнул.

– Что я должен скрывать?

– Это ты мне скажи.

– Да, Роза, я тайно брею свои бубенцы.

Она вспыхнула смехом, потом посерьёзнула и спросила:

– Ты это не для какой-нибудь девки сделал?

– О, боже, нет, Роза. Это не для какой-нибудь девки. И даже не для парня. Мне просто жарко.

Она недоверчиво оглядела супруга и легла обратно. В голове рождались то доказательства, то опровержения его измен. Так Роза не спала всю ночь.

Новый день начался с очередного скандала.

Время от времени Борис пытался успокаивать Розу, вспоминал советы психотерапевта. Но всё чаще сталкивался с протестом возмущения. «Да она просто истеричка!»

– Говорят, из их дома часто слышались крики. Ругань. Ссоры. Однажды муж ушёл, хлопнув дверью, а жена выбежала за ним в чём мать родила и орала на всю улицу.

Девушка крепче вцепилась в руку своего спутника. Тот с интересом слушал рассказ риелтора.

– Вернись! Вернись сейчас же!!!

Борис резко остановился и вкрадчивым голосом произнёс:

– Зайди в дом. Не позорься.

– Хочешь сказать, не позорить тебя?! Да?! Тебе стыдно?!

Стыдно за меня?! Тогда не доводи меня до такого!!! Вернись домой!!! Я тебя ненавижу!!! Не бросай меня!!! Слышишь?! Не смей меня бросать!!!

В окнах появлялись изумлённые лица соседей. Кто-то осторожно снимал происходящее на телефон из комнаты с предусмотрительно выключенным светом.

Борис резко схватил Розу за руку и затащил обратно в дом.

– Ты совсем чокнулась, да?!

– Да!!! Да, чокнулась!!! С тобой кто угодно чокнется!!!

Кто она, а?! Кто эта шлюха????!!!

– Какая же ты дура! Нет у меня никакой шлюхи! Нет!

– А чьи это волосы на твоём пиджаке?!

– Ещё раз повторяю: я не знаю! Не знаю я!!! Я мог подце-

пить их на диване в приёмной гендиректора, в кресле в зале совещаний – да где угодно!

– А больше ты ничего не подцепил, а?!

– Как ты меня достала! Проще реально тебе изменить, чтобы было за что получать!

– Ага! Ты только этого и ждёшь! Только и ждёшь, да?! Ты – урод!!! Поганый изменщик!!!

Роза набросилась на Бориса с кулаками. Поначалу он защищался, пытался оградиться от ударов, схватить жену за запястья. Но она с остервенением дубасила его и наконец заехала в нос с такой силой, что у него потемнело в глазах.

Чуть придя в себя, Борис с силой оттолкнул продолжавшую бить его Розу.

– Успокойся, чокнутая сука! Твоё место в дурке! В дурке!!!

Роза оступилась и плюхнулась на пол. Тут же вскочила и налетела с новой порцией тумачков. И опять заехала Борису по носу.

Он взвыл от боли и сам не понял, что дальше произошло.

Следующее, что он помнил, было застывшее лицо Розы и его руки на её шее.

– Роза... Роза... Розочка!!!

Он принялся тормошить её. Расталкивать. Целовать. Гладить. Уговаривать очнуться.

Она оставалась неподвижной. Пустой взгляд замер. Пульса не было.

– Его нашли рядом с телом жены. Он выстрелил себе в голову.

– Пойдём, – пролепетала девушка. – Пожалуйста.

– Паркет перестелили. Следов крови не осталось. Так что кроме этой глупой истории причин низкой стоимости дома нет.

– Глупой? – поразилась девушка. – Глупой?!

Она в ужасе смотрела на риелтора.

– Ну...

– Да ладно тебе, серьёзно, – сказал молодой человек. – Её лечить надо было. Так что...

– Здесь люди умерли! А вы!

Наконец она отпустила руку молодого человека и решительно вышла из дома.

– Эй, ты куда? – окликнул он её.

– Лечиться!!!

Недопитый кофе

Солнце высветило старые кофейные пятна. Капли и полумесяц от дна давно разбитой кружки. Юля провела ладонью по столу. Теперь это были просто пятна. А когда-то, совсем недавно, в них скрывалась память, боль и так и не отвеченные вопросы.

В тот день Коля сказал, что уходит. Юля неловко поставила кружку с горячим кофе. Он выплеснулся на стол и быстро просочился, впитался в пористую древесину, чтобы остаться вечным напоминанием, солью, которая так нужна не зажившим ранам.

– Я тебе кофе сварила...

– Ты меня слышишь? Я – ухожу.

– Не будешь кофе?..

– Юль. Мы расстаёмся.

Она опустила голову, и рядом с кружкой растеклись новые капли.

– Не уходи... – тихо прошептала она.

Он потоптался в нерешительности и ушёл.

– Коля... не уходи... пожалуйста.

Он уже не слышал. А она повторяла его имя, просила остаться и плакала.

Только к вечеру поняла, что Коля и правда не вернётся.

Но каждое утро нового дня продолжала заваривать кофе, который сама никогда не пила.

– Доброе утро.

– Доброе, – Юля улыбнулась и ответила на Витин поцелуй.

– Зачем скатерть сняла? Там старая ещё не высохла.

– Я вот думаю... может, стол новый купить?

– Новый? Ну... не знаю. Если хочешь.

– Съездим выбрать?

– Может, сама? У меня сегодня дела.

– А если завтра?

– Э... завтра... завтра тоже не могу.

– А когда сможешь?

– Слушай, Юль... у меня тут отпуск скоро, хотели с пацанами сплавиться по Угре.

– Мне тоже отпуск взять?

– Да нет, мы чисто нашей компашкой.

– А... – она понимающе кивнула и опустила голову.

– Кофе есть?

Множественные жизни одинокой женщины

«Я прожила миллионы жизней с тобой, а у тебя была лишь одна. Без меня. Ты не знаешь, как целовал мои губы, как мы обнимались, и я куталась в твоих нежных руках. Ты не помнишь, как мы взбирались на высокие горы и ныряли на самое дно океана. Но я закрываю глаза, и наступает новая жизнь, где ты опять со мной».

Неля закрыла дневник и уставилась в одну точку. Её сверстницы уже давно детишек нянчили, кто-то успел по второму разу выйти замуж, а она всё сидела в девках и мечтала о сказочном принце. Пусть даже без коня. Пускай в шалаше, который они вместе, общими усилиями и с любовью превратят в настоящий дворец.

Она даже нашла себе этого принца, вот только он не торопился ради неё побеждать драконов и даже строить шалаш.

Принц был обычным клерком в ничем непримечательном офисе. Работал с девяти до шести, а по вечерам смотрел телевизор или играл с друзьями в футбол. В свои двадцать четыре он всё ещё жил с родителями, и, казалось, его это вполне устраивало.

Но, конечно, это не устраивало Нелю. Она и в страшном

сне не придумала бы худшей участи, чем жить с матерью собственного мужа или парня.

Нет, ну а что с ней, собственно, делать, как не скандалить? Подстраиваться под её устои? Варить борщи под чётким руководством? Ну уже нет, лучше, действительно, где-нибудь в шалаше, вдвоём с любимым. Где его мамка не будет говорить, в какой позе проще зачать её внука.

«Шалаш» Нели был скромной съёмной комнатухой в трёхкомнатной квартире, где обитали ещё две семьи. Жить с чужими людьми поначалу было непривычно и страшно – Неля днями не могла расслабиться и по-человечески сходить в туалет. Организм напрочь отказывался совершать столь непотребный акт при свидетелях. Но со временем ей удалось обжиться, и столь деликатные проблемы больше не омрачали и без того не самую светлую жизнь.

Большую часть времени Неля и дома-то не находилась. В будни она училась на дневном отделении экономического факультета средненького университета, а вечером подрабатывала кассиром в местном магазине. Приходила разве что поспать и на скорую руку сделать уроки, которые не успела добить в метро и за прилавком. И только в выходные комнатуха вспоминала, что у неё есть хозяйка. Неля заваривала себе экономичную картошку быстрого приготовления, стараясь не думать о целлюлитных последствиях, и садилась за книги и свой дневник. Ещё она любила включать классическую музыку и мечтать под неё, почти как Алекс ДеЛардж,

разве что её фантазии были далеки от мясорубок и насилия.

Всё было почти невинно, немножечко розово-сопливо и романтично.

Так она окуналась в приятные грёзы о строительстве дворцов и рае в них, о нежных объятиях с принцем и первой брачной ночи. Затем зачитывалась романами о любви, а ближе к вечеру выползала на улицу в надежде набрести на героя своего не написанного романа.

Время от времени она находила его на местном стадионе, гоняющим мяч с друзьями. Либо в парке на лавочке за бутылочкой пива и разговорами с разномастной компанией. В ней были и ребята помладше, только приобщавшиеся к культуре питания, и те, кто постарше – с опытом и проспиртованной харизмой. Была пара девчонок, время от времени уступавшая место новым лицам.

Неля могла усесться на соседнюю лавочку, несколько раз пройти мимо компании, или издалека наблюдать, а не оказывает ли слишком много внимания её потенциальный благоверный представительницам женского пола.

Всякий раз, не отмечая ничего подозрительного, она выдыхала с облегчением. Но время от времени, когда случались смутные инсинуации, она дрожащими руками тянулась за несуществующим корвалолом и хваталась за израненное сердце.

Суббота выдалась солнечная, по-летнему тёплая. Отло-

жив дневник, Неля решила не ждать вечера, чтобы вывести себя на прогулку, и натянула цветастый сарафан, обычно чрезмерно подчёркивавший её худобу. Мать всегда приговаривала: «не в коня корм», скупно отрывая от сердца добавку для никак не полневшей дочери. Кожа да кости – никаких форм и объёмов.

«Мужики на кости не бросаются – они ж не собаки!» – смеивался батя и, залудив стопарик, снова забывал о существовании Нели.

До поры до времени она дико стеснялась собственного тела, состоявшего разве что из тех самых костей, которые мужики так не любили, и бледной кожи, небрежно на них натянутой. Но совсем недавно появившийся молодой преподаватель стал уделять Неле чрезмерное внимание и то и дело восхищался её стройным станом и красотой. К тому же картошечка сделала своё дело и вместо целлюлита, гроздями гнева проступавшего на худосочных ляжках, подкинула Неле пару совсем не лишних килограммов. Её груди округлились, бёдра перестали торчать, как у чахнувшего Кощея, а попа приобрела аппетитную форму. Даже сидеть стало удобнее.

И жить тоже.

Ноги легко нырнули в парусиновые балетки, лёгкие, мягкие, почти что невесомые, и довольная хозяйка покинула многонаселённую квартиру.

Солнце приветливо встретило её появление на майской улице, и даже клевавшие крошки голуби не испугались её

мягкой поступи.

Ногам было так удобно, что казалось, они совсем босые. Неля огляделась – никого. Значит можно никого не стесняться. Она огляделась ещё раз и со всей мочи бросилась бегом по укрытому мягкой травой газону. Она мчалась как в неведомости, ощущая под ногами приближающееся лето. Её ярко-жёлтый сарафан делал её похожей на солнечные одуванчики, ковром устелившие травку.

Набегавшись, она снова огляделась и, убедившись, что никто не видел её странного марафона, пошла в сторону стадиона. Вдруг Принц уже гонял футбольный мячик?

Так и было. Он собственной персоной грациозно мчался по полю, играя мускулами. Жара вынудила его снять футболку, и Неля с удовольствием любовалась его наготой. На груди колосились тёмные волосы, в которые так и хотелось зарыться, как в шерсть норковой шубы.

Неля встала у ограждения и наблюдала за игрой. Вдруг в ней проснулась небывалая смелость, и она решила пойти на трибуну, откуда куда приятнее наблюдать за происходящим.

Она вальяжно проследовала на жёлтое пластиковое сиденье и опустила в него раздобревшую пятую точку, или попросту – задницу.

Принц то и дело отвлекался от мячика и бросал взгляды в её сторону. Ещё бы, такая красотка, глаз не отвести! Быть может, он просто раньше её не замечал? Несмотря на все её

хождения мимо его компании и чуть ли не ежедневное обслуживание в магазине.

– Второй тайм через пятнадцать минут! – выкрикнул рыжеволосый парень, и все разошлись по своим делам.

Кто опустил на травку, кто пошёл перекурить, а Принц направился напрямиком к Неле.

Она затаила дыхание, видя, как он приближается. Наконец-то!

– Привет.

– Привет, – на лице Нели появилась ответная улыбка. Не слишком широкая, но дружелюбная – всё как надо.

– Я Костя.

– Неля.

– Красивое имя.

– Спасибо.

– Прямо как ты.

– О...

Неля, потупившись, растянулась в улыбке и кокетливо подняла на Костю глаза.

– Может сходим куда-нибудь?

Всё разворачивалось так быстро, так стремительно, так желанно, но всё же неправдоподобно.

– Когда доиграю, можем прогуляться или зайти в кафе. Если ты не против, конечно.

Ну и чёрт с ним! В фильмах и не такое показывают.

– А ну его, давай прямо сейчас пойдём? Без меня доигра-

ют.

– Давай.

В ответе не было и толики отчаяния одинокой бабы. Это «давай» больше напоминало взмах крыла бабочки, допущение Принца Кости к возможности сопроводить Принцессу Нели на променад и трапезу.

Костя натянул футболку, чудесным образом не промокшую от пота, который, казалось, его тело не умело выделять. От него пахло свежестью океана и идеальной чистотой, несмотря на беготню под палящим солнцем.

Они шли по парку, укрываясь под сенью раскидистых лап деревьев. Легкий ветерок теребил яркий сарафан, время от времени оголяя больше, чем нужно.

Костя рассказывал столько всего интересного, что у Нели в жизни бы не хватило фантазии придумать все реплики, и она стремглав ныряла в какофонию его неустанных речей.

– Проголодалась? – наконец спросил он.

– Немного.

– Пойдём в кафе?

– Пойдём.

И они пошли. И он как настоящий джентльмен открыл перед ней дверь и отодвинул стул, чтоб она села.

– Заказывай всё, что хочешь – я угощаю.

И она заказала вкуснейшую отбивную с гарниром из молодого картофеля, экзотический салат, апельсиновый фреш и клубничный чизкейк на десерт. Костя попросил принести

лучшую бутылку вина и произнёс красивый тост, сутью которого была невообразимая красота Нели.

Они ели и пили, смеялись и чувствовали себя так, будто знали друг друга всю жизнь.

А ещё говорят, что такое бывает только в сказке! Не только, и Неля это знала. Всегда.

Потом они ещё погуляли, и, когда стало совсем темно, Костя проводил её до дома.

– Это лучший день в моей жизни, – сказал он.

Не успела Неля ответить, как тот склонился к её лицу и одарил самым первым поцелуем в её жизни. И поцелуй этот был прекрасен и чист, как капля утренней росы.

Несмотря на все предрассудки, что нужно ждать минимум до третьего свидания, Неля пролепетала:

– Зайдешь?

И Костя зашёл. Он был крайне нежен, как и должен быть нежен настоящий мужчина. Он чутко заботился о Неле и следовал всем её тайным желаниям, будто читал сокрытые ото всех мысли. Он искусно предупреждал каждую похоть и ласкал именно так, как Неля всегда мечтала.

Они были созданы друг для друга.

– Можно потише!

Неля подпрыгнула на кровати и убавила громкость Баха.

– Извините! – крикнула она недовольной соседке.

Вырванная из сладостной сказки, Неля сидела на покорёженной тахте. Одна, в задрипанной комнате, без Принца Ко-

сти.

На улице всё ещё было солнце, и она решила выйти на улицу, дойти до стадиона – а вдруг? Жёлтый сарафан подчёркивал её так и не округлившуюся костлявость, а результаты поедания картошки быстрого приготовления кричаще проступали на жердях-ногах.

«Нет», – одёрнула себя Неля и надела лёгкие брюки.

Парусиновых балеток у неё не было, поэтому ноги нырнули в дешёвые кроссовки и вывели её из подъезда.

Кругом была куча народу – по травке не побегаешь, если не хочешь быть отправленной в психушку. Придётся просто идти. По тротуару. Как все.

И она пошла. Дошла до стадиона, на котором не было ни души.

Неля, как неприкаянная, шаталась по району. В конце концов решила зайти в то самое кафе, в котором они так приятно провели время с Принцем Костей из её идеалистической фантазии.

За неимением неограниченных финансов, она позволила себе только кофе и долго пила его, глядя в окошко.

Мимо шастали люди, и ни один из них не был её Принцем.

Она ведь даже не знала, как его на самом деле зовут.

На этой неделе он был Костей. Возможно, через месяц окажется Николаем.

Кто знает...

С наступлением сумерек, Неля отправилась в парк, где об-

лазила все тропки в надежде наткнуться на Костю-Николая.

К счастью, её мытарства были вознаграждены, и на одной из лавочек сидел он собственной персоной. Рядом с ним сидели ещё два парня, а кружочком обступили два мужика и две девушки. Они все смеялись и болтали о каких-то знакомых.

Неля прошла мимо компании. Посидела на лавочке чуть поодаль – все лавки рядом были заняты. Потом ещё прогулялась и снова отметилась перед Принцем, пройдя мимо сборища друзей. Так длилось до тех пор, пока Принц не удалился с другим молодым человеком и одной из девушек.

Неля поникла и молилась, чтобы эта fifa была для его друга и ни в коем случае не для него самого.

Посидев ещё немного, она покинула парк и вернулась в свою одинокую комнатку, где всё снова могло быть идеально. Где Принц знал, как быть джентльменом, где вместо водки и пива он пил с ней дорогое вино, где они были вместе, и ей не нужно было гадать, знает ли он о её существовании.

Ночное randevу

Её кожа была такой нежной и гладкой, что Лёша не удержался от того, чтобы провести по ней языком. Девушка не проснулась. Чуть потерянный в алкогольном дурмане, он улыбнулся. Она была такой красивой. Обычно подобные крали не обращали на него никакого внимания, чаще перепадало от каких-то дешёвых тёлочек. Однажды он даже мамку друга отделал, хотя она была ещё тем старьём. Друг, конечно, ничего не знал и сам втихаря драл Лёшину мамку.

Поезд остановился на пустой станции, открыл двери, подождал для приличия и с чистой совестью отправился во свояси. Рядом никого не было. Этим просто грех было не воспользоваться. Лёша осторожно просунул руку девушке между ног. Она снова осталась неподвижной. Оглядевшись по сторонам, он решил подсуетиться. Лёгкая майка с трудом прикрывала прелести спящей красотки, так что ему не составило никакого труда добраться до её груди. Он облизнул один сосок, посмотрел, не проснулась ли попутчица. Затем принялся за второй. Вскоре разошёлся не на шутку, уложил девушку на сиденье и стянул с неё трусики. От неё явно несло алкоголем, Лёша чувствовал это, несмотря на собственное состояние. «Нефиг так бухать!» – оправдал он свои незаконные домогательства и расчехлил прибор, уже дымящийся от боеготовности.

Он пыхтел на ней целых три минуты, отвлекаясь на остановках в страхе быть застуканным. Никто так и не зашёл в вагон, так что в очередном тоннеле Лёха завершил своё грязное действие и стряхнул сперму под сиденье.

Он вышел на следующей станции, хотя ему нужно было тащиться ещё две. Боялся, что попутчица проснётся и обо всём догадается.

«Надо было вытереть всё...» – сокрушался он, сев на следующий поезд. Мало ли, камеры засняли, девушка проснётся и подаст заявление об изнасиловании. «Может, пронесёт?»

Дома он завалился в свою давно не перестелавшуюся кровать, долго ворочался, копошась в мыслях о девчонке, пока не забылся столь желанным сном.

Утром он с трудом вытащил себя из кровати. Мать уже ушла на работу, а отец смотрел телевизор, гадая кроссворды во вчерашней газете.

– «Финальный аккорд» с тремя «я»?

– Чё?

– Девять букв.

– Не знаю.

«Сегодня в вагоне метро был обнаружен труп девушки».

Лёша замер и уставился на экран.

– Первая «э».

«Смерть наступила от алкогольного отравления».

– Первая «Э», – повторил отец.

Лёша рванул в туалет, почувствовав приступ тошноты. «Так вот почему она была такой холодной! А я думал, просто замёрзла...»

Паршивый день

Это был паршивый день. Один из тех, в которые ничего не хочется делать, кроме как бездельно валяться на пузе, но со всех сторон давят обязанности и серость постылых будней. Глупые коллеги точили в курилке бессмысленные лясы о начальнике и мерились «письками», а дома ждала, возможно даже любимая, жена и двое надоедливых карапузов. Нет, конечно же, я их тоже любил. Ведь это то, что делают отцы. Любят своих детей, кормят их и одевают. То же мужчины делают и с женами. Кормят, одевают и любят. Ну и еще кое-что, конечно, время от времени. Так ведь?

Кто-то придумал свод этих правил. Возможно, они сложились исторически. Какая разница? Так есть. И если происходит иначе, то ты обязательно моральный урод, подлец и предатель. Меня воспитывали правильным мужчиной, так что я убеждал себя свыкнуться с ролью порядочного семьянина, и порой мне это даже нравилось. Но всякий раз, вырываясь на свободу – отметить день рождения друга или сплавиться на байдарках – я не хотел возвращаться. Казалось, что вот она, настоящая жизнь: человеческое общение, разговоры на интересные темы, смех, веселье, радость, грудь, полная воздуха, да и полная грудь какой-нибудь молоденькой красотки. Я обычно не позволял себе сблизиться с этими цацами, помнится, я говорил о хорошем воспитании. Но смотреть-то

можно? Мужчинам не всегда нужно просто присунуть. Иногда глаза дают гораздо больше, чем то, что кто-то даст тебе в темноте. Я любил – и люблю! – женщин. Собственно, так я и стал папой. Не то чтобы я не слышал о средствах контрацепции, но все же знают, что в момент настоящей страсти тебе не хочется отвлекаться на резинку, а дама твоего сердца (или другого органа), как назло, забыла принять таблетку, или не принимает их вообще. Все думают, что пронесет. Вот меня так пронесло два раза. Пронесло так, что задница зудит до сих пор.

Можете считать меня сволочью, но я не поверю, что все остальные папаши души не чают в своих отпрысках и не мечтают свалить на рыбалку. Ну или просто свалить. Я не хочу сказать, что все только и думают о том, чтобы бросить своих детей, но признайтесь, ведь вы хоть раз задумывались о том, что устали от всего этого. Ну признайтесь, а?..

Для меня, человека, не мечтавшего о двух спиногрызах в столь раннем возрасте (мне сейчас двадцать четыре, если кому интересно), довольно тяжело оказалось осознать свое положение. Нет, я, естественно, был в курсе происходящего, но внутри меня все просто верещало: «Дети?! Какие дети, мать твою?!» Да-да, говорите, что раньше надо было думать. Но в том-то и дело, что в то время я не думал. Молодые только думают, что думают.

Нас не готовят ко взрослой жизни. Мы набиваем себе шишки, считая, что мы уже взрослые. Получаем опыт, де-

лаем выводы. После этого те, у кого есть пара работающих извилин, прикладывают все усилия, чтобы больше не вытворять того, что чревато.

Но что вы будете делать с детьми? Есть вещи, последствия которых нельзя свести к банальным выводам и опыту. Есть результаты действий, с которыми приходится мириться всю оставшуюся жизнь. Конечно, кто-то просто оплачивает аборт, алименты или не делает ровным счетом ничего, оставляя обрюхаченную подругу справляться со всем в одиночку. Признаться честно, иногда я жалел, что моя натура не столь гнилозна, чтобы решиться на такое. И мне даже стыдно за подобные мысли. Но они были, эти мысли, не скрою.

Так вот, имел то, что имел, я не мог уйти, не мог ничего исправить, но и не мог быть абсолютно счастлив. Хотя пытался. Я не знаю, может быть, у женщин с этим проще. В смысле, они вынашивают в себе эту кроху, свыкаются с ней, чувствуют ее. Но я просто, извините за грубость, слил свое семя и сидел рядом, наблюдая, как меняется тело моей женщины, становящейся капризной стервой.

Когда родился наш первенец, я понимал, что должен быть горд. Ведь это считается нормальным. Отцы гордятся, когда у них рождаются первенцы. Но а чем, собственно, гордиться-то? Вот это я не очень-то понимал. Честно. Жена выносила и родила – молодец. Тут есть повод на какое-то время почувствовать себя пупом земли. Пускай рожают миллионы женщин, но количество людей, совершивших грандиоз-

ный поступок, не умаляет его значимости. Наверно. В любом случае, это ее промежуток трещала по швам, а я всего лишь забрал ее с довеском из роддома. Все улыбались и поздравляли меня, коллеги жали руки и хлопали по спине. А я чувствовал какую-то горечь. И не понимал, почему. Ведь я должен был радоваться. Кто, черт возьми, это придумал? Почему все должны радоваться рождению детей? Я чувствовал себя каким-то неправильным. Поэтому я делал вид, что безумно счастлив. Хотя это было далеко от правды.

И тут начался ад. Нытье беременной жены было только чистилищем. А вот бессонные ночи могут открыть в тебе такие грани, о которых ты и не подозревал. Вы когда-нибудь думали о том, чтобы привязать ребенка скотчем к груди его матери, чтобы, всякий раз, как тот захочет кушать, он присасывался к сиське, вместо того, чтобы орать? А о том, чтобы отрезать грудь?.. Нет? А о том, что на дом упадет атомная бомба? И вы, безусловно, выживете, и будете среди обломков разыскивать своих жену и ребенка, сделаете все, что можно, но так их и не найдете. Кстати, бомба заденет и дом тещи с тестем. Без этого никак.

Нет, я не то чтобы реально обдумывал смерть сына. Нет, конечно. Скорее, я думал о том, как бы мог жить без него и всех этих хлопот. Моей любимой фантазией была измена жены. Будто она забеременела вовсе не от меня. Тогда я оказывался жертвой и мог спокойно покинуть обманщицу вместе с ее нагулянным отпрыском. Можете осуждать меня. Я

признаю, что это нехорошо, ненормально и подло. Но знаете что? Я искренне пытался быть другим. Любящим мужем и отцом. Я делал все по первому требованию. Я был тем, кто вставал ночью к ребенку, хотя это не я был кормящей матерью. Жена только сжегивалась, за кормешку отвечал я или ее мама, которая тусила у нас, пока я был на работе.

Мне пришлось перевестись на заочное и устроиться во швивую контору, где платили достаточно для того, чтобы удовлетворять запросы супруги.

А я еще не говорил, что мы поженились по залету? Возможно, для кого-то это уже очевидно. Как приличный человек я должен был предложить руку и сердце своей оплодотворенной подруге. Сделал бы я это, не будь она беременна? Нет. Мы были знакомы всего пару месяцев и жестко трахались. Я даже и не думал о том, что долго протянем. Мне нравилась другая девчонка. Сейчас она, к слову, живет в Штатах с каким-то янки. И это не может не печалить.

Так вот, после рабочего дня я должен был вступать на новый пост. Ужин ждал меня через раз, если теща наготовавливали достаточно, чтобы мне что-нибудь оставалось. Жена жрала за троих, несмотря на то, что уже разродилась. «Кормящая мама должна сытно питаться», – трещала теща. Ну ладно, я понимаю, если она брала бы двойную порцию. Но а третий-то кто? Или я о чем-то не знал? Третьим оказался ее живот. Да-да, кидайте в меня камни. Я прямо вижу, как разродившиеся клуши направляют на меня свои прицелы. Но, да-

мы, вы же понимаете, что, когда ребенку уже годик, можно взять себя в руки?

К тому паршивому деньку, до которого я все никак не доберусь, старшему было почти пять, младшей шел третий годик. Жена все еще ела за троих. Троих ее комплекции. Так что можно сказать, за семерых. Наверное, она не совсем правильно понимала значение слова «семья».

Когда мы познакомились, я учился на авиаконструктора. С самого детства мечтал связать свою жизнь с небом. В пилоты не взяли по зрению. Я не слепой, как крот, но с очками сросся еще класса с шестого. Когда родился Ванька – мой сын – как уже говорил, я перевелся на заочку и устроился продажником всякой строительной дребедени от крапов до облицовочного камня. Работа мечты для каких-нибудь неудачников, которые окружают меня и по сей день. Денег приносит не мало, как для простого обывателя, но для души – полный ноль. Смотря для какой души, конечно. Для моей это было просто болото. Каждый пытается урвать себе клиента пожирнее и переманить чужого, чтобы набить карманы барышами, а брюхо ресторанной жрачкой.

И я люблю вкусно покушать, люблю, когда могу позволить себе купить то, что хочется. Но этого мне не позволяла жена. Я отдавал всю зарплату ей. Таковы были устои нашей гребанной ячейки общества. Пробовал делать заначки, так эта выводила меня на чистую воду. Моя поганая совесть не позволяла мне врать. По крайней мере, долго и правдоподобно. Я

начинал нервничать и в итоге раскалывался. Открыл как-то счет, чтобы понемногу кидать туда деньги на какую-нибудь развлекуху в отрыве от семьи – да просто сходить в кино, пока тух в командировке, ничего криминального – но нет ведь, жена выпытала все и наложила штраф. Штраф! Сказала купить ей шубу. Это до противного банально, как из анекдота просто. Жена требует шубу. К слову, у нее их уже было три штуки. В любом случае, заработанных денег я фактически не видел. Жена всем заправляла, она вела бюджет, за все покупки я должен был отчитываться чеками. Даже съеденный в обеденный перерыв хот-дог должен был быть задокументирован. Без шуток.

О чем это я? Ах да, после рождения сына я приходил домой уставший и голодный. Если был ужин, то я быстро его заглывал и принимался нянчиться с мальцом. И менять ему подгузники, если он вдруг обоссался. Получить в глаз струей – не лучшая награда за труды. Это реально происходит в самый неожиданный момент, поверьте. Не важно, как давно он писал, в любом случае, он сделает это еще раз, когда вы будете обрабатывает его «погремушки» присыпкой.

Если же ужина не было, я мог его приготовить при условии, что ребенок спал. В это время я должен был говорить с женой, если она того желала. При этом она жаловалась на то, как ей трудно, а я должен был ее жалеть и всячески поддерживать. Мне же не следовало упоминать ни о каких недовольствах, я обязан был радоваться жизни и быть счастли-

вым отцом семейства. Еще бы! Ведь она подарила мне сына. Где моя благодарность? Уборка, уход за ребенком, постирушки, готовка, – все было на мне, если что-то не удосужилась сделать теща. Ко всему прочему она пилила меня на пару с дочкой, если заставляла мой приход. Тоже как в анекдоте.

Я надеялся, что все это временно, что сын подрастет, жена возьмет себя в руки, и мы будем хотя бы отдаленно напоминать счастливую семью. Шло время, но ничего не менялось, и домой возвращаться хотелось все меньше и меньше. Но я возвращался. Не мог позволить себе даже задержаться без реальной причины, потому что было совестно.

Как-то я все же попробовал, пришел позже часа на два. Просто шатался по парку, дышал свежим воздухом, ничего предосудительного. Жена звонила несколько раз, я говорил, что много работы. Расслабиться так и не удалось, в голове вертелись мысли о том, что в итоге она меня раскроет, все узнает, будет просить очередную хрень в качестве компенсации. Когда вернулся домой, застал такую картину: жена спит, ребенок надрывается в кроватке в соседней комнате, подгузники сняты, говно повсюду. Серьезно. «А как ты хотел? – сказала жена. – Я устала, поэтому отрубилась. Иди теперь все мой». И я мыл. А что делать?

Многие назовут меня подкаблучником. Возможно, так оно и есть. Но меня учили уважать женщин, поэтому я не смел отвечать жене оскорблениями, несмотря на то, что это был ее стиль общения со мной. Я был дебилом, уродом, по-

следним говном и придурком. В другое время она называла меня котиком, зайчиком и пусей. Имя мое ей как-то не нравилось. Полное она еще пережить была в состоянии, так и представляла меня всем новым знакомым «Пётр», но вот Петя ее не устраивало никак.

Что я там говорил про выводы и опыт? И еще про извилины. Мои, как пить дать, были прямыми, так что я снова попался на удочку. Пью я редко и не то чтобы метко, но вот в тот раз накатил нехило. Был на деловом «обеде». Вообще, мне запрещено тусить без супруги, но тот раз был деловой вечеринкой, так сказать. Приезжали крупные поставщики, и я должен был их развлекать. Программа включала в себя шикарный ужин и поход в дорогой мужской клуб. Девочки там были отборные, но я держался, несмотря на градус. Домой пришел на взводе и всю страсть направил на свою недовольную супругу. После того, как она узнала, что снова беременна, принялась наседать с новой силой. Я был виновником ее страданий. Так что моя слабость стоила мне еще одного ребенка и преумножения обид, упреков и помыканий. Кто-то заикнулся об аборте? Есть еще люди (не буду показывать пальцем), считающие это убийством, так что заткнитесь.

Несмотря на нормальный доход, жене вечно было мало. Мы ездили за границу, покупали машины, квартиры и всю дребедень. Но ей всегда хотелось больше. Причем катались не в дурацкие Турцию и Египет, а в цивилизные места типа Франции, Мальдив и Доминиканы. Были и в США. Тогда я

тайно надеялся столкнуться с той девчонкой, которая вышла замуж за америкоса, несмотря на то, что они жили в другом штате. И я не думаю, что сильно преувеличиваю недостатки своей супруги. Она по жизни думает только о себе, вопрос не только во мне и детях. Ей хотелось путешествовать – несмотря на возраст отпрысков, орущих и мешающих другим пассажирам самолетов и экскурсионных автобусов – она путешествовала и еще умудрялась делать всем замечания, если кто-то смел разговаривать, когда дети спали. Можете себе это представить? Помню, ехали мы к Эйфелевой башне, экскурсовод трывдел о всяких достопримечательностях, Ванька заснул, а моя благоверная попросила экскурсовода говорить потише, чтобы не разбудить мелкого. И как вам такое? Полный автобус людей, оплативших экскурсию и ожидающих получить причитающееся сполна, и одна бедовая с ребенком, считающая, что ее деньги гораздо больше денег, чем у всех остальных. И желания ее куда важнее, чем те, что имеются у вас лично и любого другого в независимости от возраста, пола и национальности. Удивляюсь, как она не попросила экскурсовода вообще заткнуться и остановить автобус, чтобы сына подрых хорошенько. Возможно, это мелочи, но множество этих мелочей рождает огромное недовольство и раздражение.

Мне постоянно было неудобно за Лару (это жена моя, если кто не догадался), но я всегда вставал на ее сторону, как бы глупо это ни выглядело. Муж и жена – одна сатана. Ну

да. Я был ее вилами и старался отлеживаться в сторонке, пока не приходило время защищать свою сатану от праведных нападков окружающих. А что делать? Хулить ее перед всем белым светом? Я так не мог. Никогда не позволял обижать ее ни при ее личном присутствии, ни за глаза. Это как с Россией. Давайте, патриоты, насадите меня на раскаленную кочегу! Я не фанат своей страны, терпеть не могу многое, что меня здесь окружает. Но вот стоит кому-то сказать про мою родину что-то плохое, пусть даже это будет повторение моих собственных мыслей, я не буду согласно кивать головкой, а скорее вобью голову поганца ему же в плечи.

Вернемся к нашим баранам. Двое детей – двойные проблемы. Представляете, как весело укладывать одного, когда второй начинает драть глотку? Ваньке было около трех, когда родилась Катя. Он сам еще не в зуб ногой, а тут появляется конкурентка, которая занимает его законное время и родителей. Ревность, истерики и прочая хрень. Кто-то старается понять ребенка, объяснить, успокоить. Я пытался объяснить, да. Но что вы можете объяснить двухлетнему хлюпику, а? Он покивает, а через минуту опять начнет ныть, когда вы отмываете задницу новорожденной от очередного сюрприза вместо того, чтобы поиграть с ним в его дурацкие кубики. Да, дети срут так, что дай бог каждому. Вы просто не представляете, сколько в них говна. Многие смотрят на деток, как на ангелочков, но я не представляю, какой ангелочек способен навалить, как слон. Да, детки очень милые, когда они спят и

не гадят. Но стоит им проснуться...

Я всегда любил своих детей, вы не подумайте. Но внутри копилась куча этого говна, которое они испражняли мне в душу. Да, они просто маленькие существа, не способные ухаживать за собой. Но я был девятнадцатилетним пацаном, когда стал папой. Я сам еще был не в состоянии ухаживать за собой.

Да, заделать ребенка смог.

Да, надо отвечать за свои поступки.

И я отвечал.

Отвечал.

Но я не мог выключить это недовольство. Не мог радоваться жизни и принять все таким, какое оно было. У меня имелись другие планы, меня ждала совершенно иная жизнь. Я должен был заниматься любимым делом вместо того, чтобы впаривать всякую дребедень и конкурировать с подлыми коллегами. Что вы можете сделать с разочарованием? Как вы поступите с загубленными мечтами? Кому доверите самые мрачные секреты, которые пытаетесь спрятать даже от самих себя?

Поверьте, я знаю, что я не лучший из людей. Я чувствовал себя подлецом большую часть времени и усердно старался быть лучше. Я делал то, что от меня ожидали: работал, ухаживал за родными и заботился о семье, ограждал детей и жену от опасностей и огорчений, не повышал на них голос, ни в коем случае не поднимал руку и почти что никогда не

изменял. Но это все то, что было снаружи. Внутри я умирал.

Говорят, что людей нужно судить по поступкам. Но я готов с этим поспорить. Вы можете видеть очень хорошего человека, который всем помогает и никому не причиняет зла, и даже не догадываться, какие жуткие мысли крутятся в его голове. Можно сделать упор на то, что многим из нас придется бороться со своими страстями, вопрос лишь в том, кто позволяет им вырваться наружу, а кто умирляет их и остается на стороне добра. Вот уж не знаю. Вам было бы приятно лежать в объятиях человека, который холит вас и лелеет, но втайне мечтает о том, чтобы вы сдохли? Он никогда вас не предаст и не сделает ничего, что могло бы вам не понравиться. Но он будет вас ненавидеть, возможно, и любить по-своему, но в то же время ненавидеть.

И я любил свою жену. По-своему. И детей тоже. Но я не мог их не ненавидеть. Порой я сам этого не осознавал, но где-то в темных уголках моей души скрывалась ненависть к их ясным глазкам и маленьким ручкам, к их визгливому «папа» и корявым рисункам. Но я играл роль порядочного семьянина и не давал своим демонам управлять мною.

Но они шептали. И порой я был бессилён.

Я описал свою жену довольно грубо. Кому-то покажется, что она последняя сволочь. Жирная расплодившаяся баба, требующая к себе особого внимания. Помните, что я говорил про голову в плечах?..

Но, по правде говоря, это далеко не все. Помню, как на

мой двадцать первый день рождения она испекла огромный пирог, пока я был на работе. А я упахался так, что даже забыл про собственный праздник. Она делала мне всякие сюрпризы, когда не была занята ведением бюджета и нытьем. Иногда пыталась сидеть на диете и плакала, что растолстела, а я ей говорил, что люблю ее и такой. У нее просто было свое видение ситуации, и она так же ненавидела меня за свою загубленную жизнь, о чем не забывала сообщать ежедневно. Наверное, она была честнее. И у нее тоже когда-то были свои мечты и планы, она поступила на юридический, но была вынуждена бросить из-за тяжелой беременности. После первых родов она не могла встать с кровати из-за швов, которые кровоточили и болели при каждом неверном движении. Ее мать ей внушала, что муж должен, что все должны. И я с этим соглашался. Вот она и ждала того, что ей было обещано.

Несмотря на все это, несмотря на то, что отчасти я сам был виноват в том, какой была моя супруга, я не мог принять этого. Я жил мыслью о том, что ситуация временная. И мне было не очень важно, каким образом все изменится: развод, смерть или налаживание отношений. Я просто верил, по крайней мере надеялся, что такой жизни придет конец.

Никто, ни одна живая душа не знала о том, что со мной происходило. Родители радовались, каким ответственным и работающим я вырос, каких прекрасных внуков им подарил. Жену мою, пускай, они не жаловали, но не может же все быть гладко. Друзья потихоньку рассасывались, видя, что я

повзрослел и забыл о тусовках, и даже не подозревали о том, как я мечтал нажраться и устроить забубенную оргию. Короче, я никогда не был нытиком, несмотря на все то, что я только что вывалил на вас. Возможно, так четко я никогда даже и не осознавал всего этого, пока не решил выговориться.

Но я обрисовал картину. Верно?

Это заняло, пожалуй, больше времени, чем я рассчитывал, но да бог с ним. Вернемся к тому паршивому дню. Я стоял в курилке, просто чтобы отлынивать от работы. У нас в компании было правило, что каждому курильщику полагается пять минут в час на сигаретку-другую. Сам я не курил, но делал вид, что дымлю, как паровоз, чтобы пользоваться привилегией. Сигарета просто тлела в моей руке, и я время от времени подносил ее ко рту. Ну хорошо, может, иногда делал пару затяжек. Я обещал жене, что брошу курить, когда она забеременела Ванькой, так что держал слово. И в тот самый момент, когда я поднес сигарету ко рту, чтобы не сделать затяжку, у меня зазвонил телефон. На экране высветилось «Жена», и я со вздохом взял трубку. Работа была чуть ли не единственным местом, где я находился не рядом с ней, поэтому ее звонки обычно были мне как серпом по яйцам.

В трубке раздался недовольный голос: «Ну и как ты там?». Я протянул: «Нормально?» Да, я фактически спросил это, не зная, чем Лара опять недовольна, и позволено ли мне при всем при этом чувствовать себя нормально. «Поздравляю. Папаша». Я подумал, что Ванька или Катя что-то натворили,

а все шишки опять на меня. Но ждало меня гораздо большее разочарование. «Потянешь третьего?» Я сделал глубокую затяжку. Потом еще одну. «Ты куришь?» Я снова затянулся, в мозгу был только дым, ноль мыслей. «Сука. Сам рожать будешь», – сказала жена и повесила трубку. Я докурил сигарету и взялся за следующую. Жужжание коллег давило на мозг, а в голове пульсировало «потянешь третьего?». «Потянешь третьего?».

Я знал, что не потяну. Так же как знал и то, что придется.

Скажите мне, кто слабак: тот, кто не решается оставить нелюбимую семью и тянет эту смердящую ляжку, или тот, кто бросает тех, кто на него надеется? Я всегда считал, что последний. Но вечно жалел, что не могу им быть.

Но тут я понял, что готов сорваться. Пятиминутный перерыв уже закончился, все рассосались по рабочим местам, а я продолжал стоять с пустеющей пачкой и курить одну за другой.

Снова зазвонил телефон. «Жена». И что я сделал? Я сбросил ее вызов. Я, черт побери, сбросил ее вонючий вызов! Впервые в жизни, да, не смейтесь, впервые в своей жалкой жизни я сбросил ее паршивый вызов. Она могла звонить мне на совещаниях, и я обязан был отвечать на ее гребанные звонки, хотя бы для того, чтобы сказать, что я не могу сейчас говорить. Да, я должен был ей сказать, что не могу говорить. Можете себе представить, сижу я на встрече с большими дяденьками, и тут звонит мой телефон, а «мелодию» Лара сама

записала и менять запретила под страхом смерти. «Милый, возьми трубочку, твоя любимая жена звонит». Представили рожи этих дяденек? Дальше больше, я должен ей сообщить, чем именно я занят и обязательно сказать, что люблю ее. Четко и ясно. Некоторых дяденек это, может, и веселило, а вот кое-кто смотрел на меня, как на тупого слюнтяя. И как с таким отношением вести серьезные дела? Но стоило мне не последовать правилу, эта полоумная обрывала телефон, а дома устраивала сцену ревности, грозилась выпрыгнуть из окна, потому что я ей якобы изменяю.

Я боялся за бедных прохожих, которых она могла раздавить, так что всегда брал трубку.

Но не в этот раз. Я даже не думал о том, как она там бесится. Я вырубил телефон, выкурил еще пару сигарет и, не обращая внимания на начальника, сказавшего вернуться на рабочее место, ушел к чертовой матери из офиса.

Я прыгнул за руль и просто уехал.

Знаете, какая мысль крутилась в моей голове? Жуткая, страшная мысль. Откуда появились силы выкинуть ее из головы, не знаю. Я хотел взять охотничье ружье из дачного домика и расстрелять к хренам трех человек, ради которых жил последние лет шесть: жену, сына и дочь.

Я их ненавидел

Я их любил и хотел оградить от боли, которую мог причинить своим уходом.

И ненавистью.

Чувства и мысли крутились и смешивались, как в идиотском блендере. Вот мне их жалко, и тут же становится наплевать на всех кроме себя самого, а потом и я уже не имею никакого значения.

То я хотел оградить родных от боли, то хотел оградиться от них сам.

Но все не так просто. Ты срастаешься с близкими людьми настолько сильно, что они становятся частью тебя. Вы – один большой организм. Они могут быть твоими руками, ногами или сердцем. И огромной занозой в заднице. Они могут быть корявыми, некрасивыми и прыщавыми, но это твои собственные руки и ноги, и ничего с этим не поделаешь. Как бы ты их ни ненавидел, ты их все равно любишь. Вы же не будете отрубать себе ноги просто потому, что они кривые?

Когда руку поражает гангрена, тебе сложно решиться на ее ампутацию. Но когда осознаешь, что это угрожает твоей жизни, ты все же соглашаешься отрезать ее к чертям собачьим.

Ты не думаешь, что эти люди не просто твоя рука.

А что это ты их руки.

Понимаете?

Я вцепился в руль и просто ехал. Мне хотелось, чтобы мир исчез. Мне хотелось самому исчезнуть. Навстречу неслась груженная фура, и я понятия не имею, что меня остановило от того, чтобы устроить лобовое.

Я видел только узкий просвет сквозь довлеющую нена-

висть и отчаяние. Смотрели когда-нибудь в ненастроенный бинокль или подзорную трубу? Ну конечно, смотрели, правда? Черное обрамление вокруг размытого изображения. Черное обрамление ненависти. И оно сужалось, я уже почти ничего не видел. Я был на пределе.

Сам не заметил, как оказался за городом. Черт, сколько я вот так вот проехал?! Несся на автомате и умудрился не впилить в какого-нибудь пешехода или тачку. Осознав это, я решил тормознуть и съехал на «левую» тропинку, скрывавшуюся в зарослях поганых кустов. Я выпрыгнул чуть ли не на ходу и принялся орать, рвать кусты и пинать свою дермовую дорогушную тачку. Мне хотелось крушить, и я со всей дури вломил лбом в стекло водительской двери. Я даже не почувствовал боли, только кровь, потекшую из раны.

«Сука! Мразь! Паскуда! Пидораска! Ненавижу! НЕНАВИЖУ!!!»

Жена хотела свалить всю вину на меня. Она тоже боялась, она тоже не хотела такой жизни. Но я должен был быть виноватым. Ей отменили противозачаточные несколько месяцев назад из-за каких-то там женских проблем. Так что, если случалось, что мы занимались сексом, то предохранялись презервативами. На прерванный половой акт меня бы никто не уговорил. После двух сюрпризов третий мне был вовсе не нужен.

Я тогда и не хотел вовсе. Почему я так уверен, что говорю именно о том разе, когда она залетела? Потому что это

случалось слишком редко для того, чтобы не запомнить. Мы могли не спать неделями. Я перебивался порнушкой, ну и да, пару раз ходил налево. Жена узнала и получила бриллиантовое кольцо за ту, что по пьяни, и новую машину за ту, к которой с радостью ушел бы.

В тот раз она купила себе новое нижнее белье. Очень сексуальное. Белье. На ней оно не смотрелось. Его просто-напросто почти не было видно за жиром. Я не хочу никого обидеть, просто обрисовываю ситуацию. Ну, и она начала всячески заигрывать и все такое. Я подыграл. Это показалось проще, чем отказать. Резинка порвалась.

Теперь я был среди этих мерзких кустов, которые пытался выкорчевать с корнем. Я орал, как бешеный, матерился и пытался перевернуть машину пинками.

В итоге я выбился из сил, рухнул на землю и расплакался. Так я не плакал еще никогда в жизни. Казалось, все накопленное за последние годы, хлынуло из меня, как из прорвавшейся дамбы. Слезы смывали все на своем пути: все мечты, печали и радости, всех родных, близких и нелюбимых. После них осталась только пустота.

Я поехал до первого попавшегося придорожного мотеля. Не чувствовал ничего. Снял проститутку, воспользовался по назначению и тоже ничего не почувствовал. Даже не помню ее лица. Она была просто куском мяса. Скажете, так нельзя относиться к женщине? Мне пофиг, даже если вы и правы.

Я купил бухла и затарился сигаретами, тратил деньги и не

брал никаких чеков. Ха! Или все же стоило принести подотчетные за продажную девку, м? Как считаете?

Человек может сорваться. Любой. Я так думаю. Вы когда-нибудь чувствовали себя на грани? Вы когда-нибудь переступали эту грань?

Я часто был у самого края, но никогда не позволял себе выйти за рамки. Жалел, что не мог. Но все же не мог. Совесть, рассудок, чувство долга и понимание последствий всегда останавливали.

Наконец-то я был вне этих рамок. Но вместо свободы была пустота. Просто пустота.

Я мог думать о чем угодно, но все было серым. Ничто не привлекало. Ничто не радовало. И не огорчало. Я будто заморозился и просто пил, курил и все.

Наступила ночь. Я набухался в зюсю и отрубился.

Разбудил меня телефонный звонок. Понятия не имею, когда и за каким хреном я включил телефон.

«Жена»

«Пошла ты на хер, жена», – подумал я и повернулся на другой бок.

Следующее, что помню, как проснулся от яркого света. С трудом разлепил глаза и понял, что наступило утро. Ленно повернулся на другой бок, чтобы скрыться от солнца, нагло ворвавшегося в мой мирный сон. И уткнулся во что-то лицом. Снова открыл глаза и окинул взглядом Её. Скрестив руки на груди, на меня с укором смотрела жена.

Я был в нашей спальне, в нашей постели.

Совершенно не помню, как там оказался, и понятия не имею, как добрался. Но я был дома.

Дома.

В полной несознанке я не нашел ничего лучше, кроме как вернуться туда, откуда бежал.

И что вы думаете? Я почувствовал, что рад этому. Дом – это же не просто какое-то здание, правда? И я был не просто в каком-то здании, я был дома. С этой жирной свиньей, плящей меня с утра до вечера, с детьми, которые не давали покоя денно и нощно. Но это был мой родной дом со всем из этого вытекающим.

На прикроватной тумбочке жены стояла ваза с цветами. И кто же их притащил? Я. Я! Будучи в полнейшем неадеквате, купил жене цветы и принес их ей. В тот момент я понял, что куда бы ни смылся, я всегда вернусь обратно. В своем ли, в чужом ли уме.

И что же меня так обрадовало? Определенность. Я больше не перебираю варианты и не думаю о том, как могли бы сбыться мои мечты. Я смирился с тем, что имею. И больше не очень-то парюсь о честности и верности. Скрываю значки и случайные знакомства.

Счастлив ли я?

Какая разница?

Я спокоен.

Не мечусь и не чувствую недовольства.

Наступило смирение. Возможно, когда-нибудь я смогу почувствовать и счастье, чем черт не шутит? Но, откровенно говоря, мне без разницы.

Признаться честно, это именно то, чего я боялся. Боялся смириться со всем дерьмом, которое меня окружает. И главное, боялся, что это дерьмо перестанет меня не устраивать. Что я стану одним из этих безмозглых пареньков с моей канторы, которые шпилятся со стройными нимфетками, но продолжают жить со своими надоедливymi женами, буд-то иначе и быть не может.

И знаете что? Сейчас мне на это наплевать.

Наверно, это грустный конец для тех, кто все еще мечтает. Как по мне, так это лучше, чем всю жизнь думать о том, что упустил, и жалеть, что твои детишки некогда появились на свет. Или чем бросить их и остаток всей своей жизни думать о том, что ты их предал. Внезапно я принял ситуацию такой, какой она была мне предложена.

Скоро родится наш третий ребенок. Я сделаю вид, что рад этому, как и оба предыдущих раза, и, возможно, даже сам немножечко в это поверю. Пока жена будет восстанавливаться после родов, продолжу забавляться с нерожавшими куколками. Да и после вряд ли остановлюсь. Что-то во мне надломилось, и я не уверен, что это уж очень большая трагедия. Между делом подумываю о вазэктомии и жду новых бессонных ночей. Но я с этим справлюсь. Просто потому, что для меня нет более приемлемого варианта.

Всего несколько дней

Они пили горячий кофе и занимались любовью. Проворная вытяжка прогоняла сигаретный дым, и комната лишь слегка укрывалась вуалью. Тайна времени скрывалась за плотными шторами. Город мог спать, спешить на работу или садиться ужинать, а здесь, за стенами московской однушки, мир просто наслаждался собой.

Тела играли в головоломки, мятые простыни напитались влагой. Настенные часы с замиранием смотрели, как двое могли любить.

Стрелки не двигались с самого её прихода, время остановилось. Лёня ждал Таю и боялся, что она не придёт. Тая долго не жала на звонок, но не прийти не могла.

Телефоны смотрели пустыми экранами, лежали бесполезными безделушками и молчали. Никому нельзя было нарушать кокон безмолвия. Никому, кроме хозяев этих нескольких дней.

Спали они урывками. Хотелось как можно больше получить от украденной близости, как можно дольше чувствовать друг друга и не тратить время на сон. Эти дни и так казались сновидением. Осознанным сном, в котором всё чудесным образом вставало на свои места. Сном, в котором можно было творить чудо, невозможное в реальности.

Тая влюбилась в Лёню с первого взгляда. Потом она его

полюбила. Лёня хотел её, получил сполна и отпустил на волю. А она верила, что в их связи было большее, чем похоть. Прошёл год. Они больше не виделись. Редкие переписки, надежды, иллюзии. Наконец Тая поняла, что пора двигаться дальше. Что Лёню пора оставить позади, там, где он давно оставил её. Она познакомилась с молодым человеком, почти даже влюбилась и вскоре вышла замуж. Он был куда более выгодной партией и мог обеспечить безбедное существование, даже если б сегодня же стал инвалидом. Началась новая жизнь, полная путешествий, свободы и изобилия. Любой каприз исполнялся за его деньги. Любой, кроме Лёни. В объятиях мужа Тая по-прежнему вспоминала ту близость, руки Лёни, его дыхание, запах. Муж пах свежим бельём и фрезией. Всегда гладко выбритый, выглаженный, с начищенной обувью. Как ни старалась, Тая не могла найти в нём изъян, не могла найти, за что зацепиться, чтобы наконец полюбить или возненавидеть. Он просто был рядом, обеспечивал её жизнь и работал. Крупные сделки отмечал приглашением друзей. Тая надевала лучшие наряды и улыбалась. Потом ложилась в постель с невообразимо успешным мужем и вспоминала Лёню. Вспоминала раздражение от его щетины, несвежую футболку и урчание в животе. Воспоминания о нём были живее нехрапящего мужа с его до невозможности выстиранным бельём.

Душ они принимали вместе, боялись потерять драгоценные минуты. И даже там не упускали возможности насла-

даться друг другом.

Они лежали в ванне, курили и пили вино. Свет был выключен, и только одинокая свеча отмечала геометрию подсвечника. На стенах играли отблески красного стекла, не было ни до, ни после.

С Лёней Тая была живой. Чувствовала и не придумывала фантазий. Он сам был фантазией, воплощал всё, чтобы вырвать её из сумрака дней. И между тем был единственным настоящим, которое она могла ощущать, видеть и осязать. Его прикосновения будоражили тело, отключали мозг, отправляли в запределье. Он метил её спермой, будто кричал «моя!». А время за стенами продолжало двигаться и отсчитывать то, что для них было возможно.

Она засыпала у него на груди и просыпалась в его объятиях. Соприкосновения тел прели, склеивались, соединялись.

Напоминание разбудило мобильник, и Тая поняла, что пора. Муж возвращался из командировки – он никогда из них не звонил. Она должна была вернуться к его приезду и сделать вид, что всё это время ждала. Одна. Верная и непорочная.

А Лёня снова возвращался к жизни, где не было места женщине. Где он только думал о ней, зная – любая близость ведёт к боли.